

Михаил Гершензон

Грибоедовская Москва

Мудрость Пушкина

Москва

2016

УДК 82
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г42

Гершензон, М. О.

Г42 Грибоедовская Москва. Мудрость Пушкина / М. О. Гершензон. — М.: Книга по Требованию, 2016. — 166 с.

ISBN 978-5-519-49574-5

В сборник вошли два произведения Гершензона «Грибоедовская Москва» и «Мудрость Пушкина».

Первая работа представляет собой опыт исторической иллюстрации к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» и является попыткой наглядно представить уголок той подлинной, реальной действительности, которую Грибоедов, творчески преобразая, изобразил в своем гениальном произведении.

«Мудрость Пушкина» раскрывает в поэзии Пушкина, помимо необычайной художественности, правдивости, народности также еще иную ценность: её глубокий философский смысл.

УДК 82
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-519-49574-5

© Книга по Требованию, оформление, 2016

ГРИБОЕДОВСКАЯ МОСКВА

Предисловие

Предлагаемая книжка есть опыт исторической иллюстрации к «Горе от ума», попытка представить возможно наглядным образом уголок той подлинной, реальной действительности, которую Грибоедов, творчески преобразая, изобразил в гениальной комедии. Материал, служивший мне для этого изображения¹, был в высшей степени удобен, так как в нем обрисовывается тот самый круг московского общества, в котором вращался Грибоедов, и как раз за те годы, когда Грибоедов наблюдал это общество. Мало того: этот материал давал возможность раздвинуть рамку картины, представить и более раннюю, предшествующую стадию данного быта (эпоху Наполеоновского нашествия), которая хотя в комедии и не изображена прямо, но как бы незримо еще наполняет ее атмосферу.

Известно, что Грибоедов, создавая свою комедию, сознательно исходил от наблюдений над конкретной действительностью. Это удостоверяется не только свидетельством ближайших к нему людей, но и его собственным признанием — его известным письмом к П. А. Катенину, где он категорически подтверждает условную (художественную) портретность действующих лиц своей комедии. Но и не будь этих свидетельств, к тому же выводу необходимо приводит изучение самой комедии. Так, только на основании внутреннего ее анализа Гончаров признал, что в ней «в группе двадцати лиц отразилась, как луч света в капле воды, вся прежняя Москва, ее рисунок, тогдашний дух, исторический момент и нравы... И общее, и детали — все это не сочинено,

¹ Неизданные семейные письма Римских-Корсаковых, переданные мне покойной Н. А. Огаревой.

а так целиком взято из московских гостиных и перенесено в книгу и на сцену, со всей теплотой и со всем «особым отпечатком» Москвы».

Бытовой художественный образ, каковы персонажи «Горе от ума», никогда не бывает ни точной копией действительности, ни чистым вымыслом: он всегда – субъективная переработка конкретных наблюдений, накопленных художником, самобытное создание, для которого сырой материал почерпнут из действительности. Поэтому есть два способа приблизиться к пониманию художественного замысла, руководившего поэтом; прямой путь – это путь непосредственного изучения его образов и творческих средств; но ценные услуги в этом деле может оказать и косвенный путь – ознакомления с той действительностью, которая служила художнику прообразом его создания. Самое малое, что мы можем добыть на этом втором пути – осязательность минувшей жизни, непосредственное погружение в ее быт и психику, – уже есть большая и притом самостоятельная ценность.

Быль за сказкой не угонится

I

Еще в конце Екатерининского времени впервые появляется пред нами Марья Ивановна Римская-Корсакова. Бледной тенью мелькнет она раз, другой на горизонте московских преданий, потом исчезает, и вдруг, в двенадцатом году, точно озаренная московским пожаром, предстает уже вся живая – не безыменная фигура, а именно Марья Ивановна, которой ни с кем не смешаешь; и затем время, подобно кинематографу, постепенно все более придвигает ее к нам, ее фигура, приближаясь, растет и растет, и вот в 20-х годах она

стоит перед нами во весь рост, вся на виду до мельчайшей морщинки на ее немолодом, но еще привлекательном лице.

Трудно устоять против искушения срисовать ее портрет. Ее лицо так характерно в своей непринужденной выразительности, и вместе так ярко-типично, что она кажется скорее художественным образом, нежели единичной личностью. Между тем она действительно жила, ее дом в Москве поныне цел, и многие из наших знакомых не раз с улыбкою слушали ее бойкую и умную речь, в том числе сам Пушкин. Вяземский писал о ней: «Мария Ивановна Римская- Корсакова должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катанья за городом, импровизированные завтраки... Красавицы-дочери ее, и особенно одна из них, намеками воспетая Пушкиным в Онегине, были душою и прелестью этих собраний. Сама Мария Ивановна была тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова»².

Вяземский, Грибоедов и Пушкин знали ее уже в ее поздние годы. Вяземский только от стариков слышал о том, как мастерски Марья Ивановна в молодости исполняла роль фонвизинской Еремеевны где-то на домашней сцене. Но князь Иван Михайлович Долгоруков, самый благодушный из русских поэтов и самый романтический из русских губернаторов, был вхож в ее дом еще при Павле. Он в молодости страстно любил «театральную забаву», а у Марьи Ивановны часто устраивались домашние спектакли, и вообще в ее доме было весело; Долгоруков до старости с умилением вспоминал ту зиму – уже в начале царствования

² Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского, т. VII, с. 170.

Александра – когда он чаще всего выступал в спектаклях Марьи Ивановны, и те «веселости», которыми он наслаждался в ее приятном доме, ибо – «что более заслуживает места в воспоминаниях наших, как те часы, в которые мы предавались невинным забавам и одушевлялись одной чистой веселостью?»³. Он рассказывает в «Капище моего сердца»³, как однажды в ту зиму играл он здесь роль первого любовника в комедии «Les châteaux en Espagne»⁴, причем его партнершей была старшая дочь Марии Ивановны; в этот вечер уже многие из зрителей знали, что он назначен губернатором во Владимир, он же этого еще не знал; а в его роли были такие два стиха, точно с умыслом рассчитанные на этот случай:

De quelqu'emploi brillant je puis me voir charger,
Et de nouveau peut-être il faudra voyager⁵.

Едва он произнес эти стихи, зал огласился всеобщим рукоплесканием: совпадение было слишком забавно.

И дальше, по-видимому, легко и весело шла жизнь в доме Марьи Ивановны. Дом был огромный, семья большая, и, верно, много челяди. То было время, когда редко хворали, когда мало думали, но много и беззаботно веселились, когда размеры аппетита определялись шутливой поговоркой, что гусь – глухая птица: на двоих мало, а одному стыдно, когда званые обеды начинались в 3 часа, а балы – между 9 и 10, и только «львы» являлись в II. Последние две зимы перед наше-

³ Издание 2-е, Приложение к «Русск. Арх.», 1890 года, с. 151.

⁴ Я могу увидеть себя облеченным какою-нибудь блестящей должностью, и, может быть, снова надо будет мне путешествовать (*фр.*).

⁵ «Испанские замки» (*фр.*). – *Ред.* Здесь и далее специальным знаком отмечены переводы, не принадлежащие М. О. Гершензону.

ствием французов были в Москве, как известно, особенно веселы. Балы, вечера, званые обеды, гулянья и спектакли сменялись без передышки. Все дни недели были разобраны – четверти у гр. Льва Кир. Разумовского, пятницы – у Степ. Степ. Апраксина, воскресенья – у Архаровых и т. д., иные дни были разобраны дважды, а в иных домах принимали каждый день, и часто молодой человек успевал в один вечер попасть на два бала. Балы и вечера у Марьи Ивановны были в числе самых веселых. Современник сообщает, что к ней можно было приезжать поздно, уже с другого бала, потому что у нее танцевали до рассвета; и нравились ее вечера еще щедростью освещения, тогда как в других домах с одного конца залы до другого нельзя было различить лица. В эти зимы впервые явилась в Москве мазурка с пристукиваньем шпорами, где кавалер становился на колени, обводил вокруг себя даму и целовал ее руку; танцевали экосез-кадриль, вальс и другие танцы, и бал оканчивался *à la grécque*⁶ со множеством фигур, выдвигаемых первою парюю, и, наконец, беготней попарно по всем комнатам, даже в девичью и спальню⁷.

Но вот внезапно ударила гроза, музыка резко оборвалась, и танцоры в ужасе заметались: французы перешли границу, французы идут к Смоленску, Смоленск взят, – ужас и отчаяние! Наполеон идет на Москву, надо бежать куда глаза глядят.

У Марьи Ивановны в это время были налицо все ее дети – трое сыновей и пять дочерей. Все они родились между 1784 и 1806 гг. Старший сын, Павел, служил еще с 1803 года в кавалергардах; средний, Григорий, вступил в службу также еще до войны, в лейб-гвардии

⁶ «Греческий» (*фр.*). – *Ред.*

⁷ «Воспоминания М. М. Муромцова» – «Русск. Арх.», 1890 г., I, с. 78–79; М. Евреинов, «Память о 1812 годе» – «Русск. Арх.», 1874, I, с. 95.

Московский полк; наконец, младший, 18-летний Сергей, в эти самые дни, в июле, записался в московское ополчение. При Марье Ивановне оставались теперь только дочери: старшая. Варвара, в это время уже вдова после флигель-адъютанта А. А. Ржевского, павшего при Фридланде, и три девушки – Наталья 20 лет, и младшие – Екатерина и Александра; пятая дочь, по старшинству вторая после Варвары, по имени Софья, была с 1804 года замужем за московским полицмейстером А. А. Волковым и жила своим домом. Был еще жив и муж Марьи Ивановны – Александр Яковлевич Римский-Корсаков, по-видимому, уже очень пожилой, служивший когда-то, в семидесятых годах XVIII века, в конной гвардии, пожалованный Екатериною II в камергеры, а теперь почти безвыездно живший в деревне. Он был, говорят, очень богат, в молодости красавец, но не очень умен; во всяком случае, домом и детьми твердо правила одна Марья Ивановна. Сама она была урожденная Наумова, дочь Ивана Григорьевича, женатого на княжне Варваре Алексеевне Голицыной.

В 1812 году Марье Ивановне было, вероятно, 47–48 лет. Все ее дети были рослые и красавцы, в отца и мать, а дочери славились бархатными глазами⁸.

Через три дня после того, как в Москве было получено известие об оставлении Смоленска, 11 августа 1812 года, когда все церкви стояли открытые, А. Г. Хомутова видела в Благовещенском соборе между другими своими знакомыми и Марью Ивановну Рим-

⁸ О М. И., ее муже и детях см. «Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и кн. Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями». Литограф. издание. СПб., 1893. – Сверх того, Д. Благово «Рассказы бабушки». СПб., 1885, с. 187. Неполный свод печатных сведений – у Гастфрейнда, «Товарищи Пушкина», т. III.

скую- Корсакову⁹ с ее юношей сыном Сергеем, уже в ополченском мундире; «она молилась за двух других своих сыновей, уже находившихся в армии, из которых одному суждено было вскоре погибнуть», т. е. за Павла и своего любимца Гришу. Судя по тому, что последнего его командир Дохтуров еще 29-го или 30-го августа отпустил из-под Можайска, где они стояли, на кратковременную побывку в Москву¹⁰, можно думать, что Марья Ивановна с дочерьми оставила Москву только в последний день августа или даже 1–2 сентября. Она выехала, как и большинство видных московских семейств, в Нижний Новгород. Дочь ее Софья, вместе с мужем (Волковым) и детьми, нашла пристанище у своей свекрови, в Саратове. Выезжая из Москвы, Марья Ивановна еще не знала, что 26-го августа при Бородине пал ее первенец. В этом бою участвовали оба ее старших сына; второй, Григорий, остался невредим и позднее получил за этот день Владимира 4-й степени, а Павел, богатырь ростом и силою, участник Аустерлицкого боя, занесенный своей лошадьёю в гущу врагов, долго отбивался один и уложил палашом несколько человек, пока наконец – как рассказывали позже французские офицеры – выстрел из карабина не скопил его; тело его не было найдено¹¹. Мы увидим дальше, что

⁹ «Воспоминания», в «Русском Архиве», 1891 г., № 11, с. 321.

¹⁰ «Письма Д. С. Дохтурова к его супруге» – «Русск. Арх.», 1874, I, 1097, письмо от 30 авг. 1812 г. Три года спустя М. И., прося Гришу приехать в отпуск домой, писала, что не видела его уже четыре года, т. е. с 1811, и прибавляла: «Один день был со мной», т. е. за все то время. Этот день и был, без сомнения, 30 или 31 августа 1812 г. Вместе с Григорием Р.-К. был отпущен в Москву и его однопольчанин, сын Ю. А. Нелединского-Мелецкого, вероятно, тоже для того, чтобы проститься с отцом, который 30 августа еще был в Москве (там же).

¹¹ «Воспоминания» А. С. Норова – «Русск. Арх.», 1881, III, 201; «Записки» Н. Н. Муравьева – «Русск. Арх.», 1885, III, 231 и 259;

Марья Ивановна долго томилась неизвестностью о его судьбе; ей говорили, что он в плену.

II

В сентябре и октябре 1812 г. Нижний Новгород представлял необыкновенную картину: сюда переселилась вся богатая и вся литературная Москва. Здесь были Архаровы, Апраксины, Бибиковы и еще множество видных московских семейств – и Карамзины, Батюшков, В. А. Пушкин и Алексей Мих. Пушкин, старик Бантыш-Каменский и его помощник по московскому Архиву, А. Ф. Малиновский, – словом, что называется, «вся Москва». «Город мал и весь наводнен Москвою», – писал отсюда Батюшков¹². Квартир не хватало, и «эмигрантам», как они сами себя называли, приходилось ютиться в тесноте; так, в трех комнатах жили: Екат. Фед. Муравьева с тремя детьми, Батюшков, И. М. Муравьев, Дружинин, англичанин, две гувернантки да шесть собак. Богатые люди и здесь, разумеется, находили способы устраиваться удобно; у Архаровых и здесь собиралась вся Москва, особенно пострадавшие, терпевшие нужду; а В. А. Пушкин жил в избе, ходил по морозу без шубы и нуждался в рубле. Все были более или менее удручены гибелью Москвы и собственными потерями, многие семьи тревожились за участь мужей, сыновей или братьев, стоявших под огнем, но привычное московское легкомыслие брало верх, и вскоре здесь развернулась та же веселая и шумная жизнь, которую на время прервала невзгода, жизнь многолюдно- и шумно-застольная, бальная, развездная и суетливая, с тем Отличием против московской, что цыганская не-

С. Панчулидзева «Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826», СПб., 1906, с. 129.

¹² Письмо к отцу от 27 окт. 1812 г.